

ИСЛАМ И ФИЛОСОФИЯ
Ответственный за рубрику: *Смирнов А. В.*
© Исламоведение. 2025. Т. 16, № 1 (63)

ISLAM AND PHILOSOPHY
Person in charge of the section: *Smirnov A. V.*
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2025. Vol. 16, no. 1 (63)

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-1-93-105

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

*Т. Э. Кафаров*¹

Введение
Основные модели соотношения
сакрального и светского в исламе
Ислам как «срединная религия»
О некоторых особенностях реализации
дихотомии религиозного и светского
в России и Дагестане
Заключение

Поступила в редакцию: 01.03.2025
Передана на рецензию: 05.03.2025
Получена рецензия: 17.03.2025
Принята в номер: 25.03.2025

**О диалектике сакрального и светского в исламской культуре
и современной практике в России и в Дагестане**

Дагестанский государственный медицинский университет;
kafarov.56@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная для всех конфессий проблема соотношения сакрального и светского, имеющая множество смыслов и измерений. Очевидно, что без гармонизации этих двух важных составляющих религии невозможно обеспечить ее комфортное включение в культуру, человеческую духовность, государственные и гражданские отношения. Каждая религия по-своему пытается разрешить их диалектику, в результате чего в истории сложились различные модели взаимодействия сакрального и светского. На исторических и современных примерах раскрываются особенности решения исламом этого сложного вопроса, без которого нельзя добиться эффективного вхождения его в современные цивилизационные процессы. Исламские теократические традиции, идущие со времен халифата, изначально были основаны на противопоставлении сакрального, божественного и земного, без чего было невозможно утверждение исламского абсолютного монотеизма и исламской теократии. Показывается, что в современной российской действительности, где упразднен государственный статус любой идеологии, в том числе и религиозной, формируется новая демократическая модель взаимодействия сакрального и светского, в которой осуществляется их партнерское взаимодействие. Особое внимание обращается на некоторые региональные проблемы, связанные с отходом от конституционно закрепленного светского статуса государства, на имеющие место попытки неправомерного исламского вмешательства в культуру, образование и воспитание.

Ключевые слова: религия, ислам, светское, сакральное, теократия, культура, государство.

¹ *Тельман Эмиралиевич Кафаров* – зав. кафедрой философии и гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного медицинского университета, д. филос. н., проф.

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-1-93-105

UDC 297.1

Content of the article

Information about the article

T. E. Kafarov²

Introduction.
The main models of the relationship between the sacred and the secular in Islam.
Islam as the “middle religion”.
On some features of the implementation of the religious and secular dichotomy in Russia and Dagestan.
Conclusion.

Received: 01.03.2025
Submitted for review: 05.03.2025
Review received: 17.03.2025
Accepted for publication: 25.03.2025

On the Dialectics of the Sacred and Secular in Islamic Culture and Modern Practice in Russia and Dagestan

Dagestan State Medical University; kafarov.56@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of correlation of the sacred and the earthly, which has many meanings and dimensions relevant for all faiths. It is obvious that without the harmonization of these two important components of religion, it would be impossible to ensure its comfortable inclusion in culture, human spirituality, state and civil relations. Each religion aspires to resolve its dialectics in its own way. As a result, various models of interaction between the sacred and the secular have developed. Historical and modern examples reveal the specifics of Islam’s solution to this complex issue. Without it, it would be impossible to achieve Islam’s effective integration into modern civilizational processes. Originally, Islamic theocratic traditions dating back to the time of the caliphate were based on the opposition of the sacred, divine and earthly, which allowed to establish Islamic absolute monotheism and Islamic theocracy. It is shown that in modern Russian reality, where the state status of any ideology, including religious one, has been abolished, a new democratic model of interaction between the sacred and the secular is being formed. Special attention is paid to some regional problems related to shifting away from the constitutionally established secular status of the state, as well as attempts at unlawful Islamic interference in culture, education and upbringing

Keywords: religion, Islam, secular, theocracy, culture, state.

Введение

Религия с начала ее бытия в теократическом сообществе до современной цивилизации, – это всегда определенная, упорядоченная, непротиворечивая, иерархически организованная взаимосвязь сакральных, божественных и светских, земных составляющих. Без этого она не может выполнять свои конфессиональные, социальные, политические, идеологические, мировоззренческие и воспитательные функции, реализация которых и является основной целью. В одних случаях она находится на вершине вертикали властных и социальных отношений, являясь ядром всей человеческой духовности; в других выступает важнейшим звеном всей горизонтали гражданского общества; в секуляризованном же сообществе ее роль сведена к минимуму, а деятельность некоторых конфессий даже законодательно запрещена.

Рассматриваемая проблема имеет несколько основных аспектов:

² *Telman Emiralievich Kafarov* – Dr. Sc. (Philology), professor, head of the Department of Philosophy and Humanities of Dagestan State Medical University.

- взаимосвязь сакральных и земных, светских атрибутов в самой религии;
- взаимодействие институтов государства, власти и религиозных конфессий;
- взаимоотношения религии с институтами гражданского общества;
- степень выраженности материальных и духовных потребностей в религиозных отношениях;
- место религии в формировании духовности человека, в государственной системе образования, воспитания;
- соответствие культурно-, национально- и конфессионально-традиционной общечеловеческой морали и законам;
- соотношения религиозного, гражданского и национального патриотизма в сообществе и др.

Разумеется, проблемы взаимодействия светского и сакрального не являются совершенно новыми для общественной науки и практики. Они всегда находились в поле зрения отечественных философов, политологов, религиоведов, исламоведов и теологов, поскольку никогда не теряли своей актуальности. Авторы журнала «Исламоведение» также неоднократно обращались к этим проблемам: М. Я. Яхьяев [25; 26], М. И. Билалов [7], К. М. Магомедов [18], З. М. Абдулагатов [1–3] и др. Поэтому актуальность данных вопросов объясняется не столько недостаточной степенью их разработанности, сколько проблематичностью социального бытия и повседневного человеческого опыта, где присутствуют постоянная динамика и определенная деформация отмеченной диалектики светского и сакрального.

Остановимся на этих проблемах и проведем сравнительный анализ действия сакральных и светских социальных механизмов в исламе и других конфессиях, а также обратим внимание на особенности их проявления в некоторых российских регионах и на различных исторических этапах конфессионального становления.

Основные модели соотношения сакрального и светского в исламе

В мусульманском мире сложились самые различные государственные модели соотношения сакрального и светского. Перечислим основные, наиболее распространенные в мире.

Первая модель, действует в Турции, Индонезии, где конституционно-правовая основа является светской, общественное обустройство осуществляется по аналогии с европейской демократией, а соблюдение шариатских и иных религиозных законов считается личным делом каждого человека. В Конституциях этих стран вообще нет намека на монопольный статус ислама или иной религии в политической и социально-духовной иерархии. Например, в Конституции Индонезии в качестве первого пункта национальной идеологии заложен принцип веры в Бога без указания определенной конфессии [12, с. 75–89]. А в Конституции Турецкой Республики подчеркивается светский характер государства и свобода вероисповедания, хотя обучение религиозной культуре и этике в начальных и средних учебных заведениях является обязательным и осуществляется под строгим надзором государства. Здесь также не выделена определенная конфессия. Особенно убедительной в этом направлении является Конституция Ливана, которая не только провозгласила свободу совести абсолютной, но и указала, что основными национальными задачами в обозримый период являются отмена конфессиональной системы разделения людей и провозглашение надконфессионального статуса ливанского гражданского сообщества [15].

Вторая модель взаимодействия светского и сакрального действует в Египте, Алжире, Ираке, где, с одной стороны, провозглашена свобода вероисповедания, но, с другой, законодательно закрепляется статус ислама в качестве государственной

религиозной идеологии и шариата как основного источника морали и законодательства [19, с. 114–118].

Немного отличается от данной формы взаимодействия власти и ислама третья модель, принятая в Тунисе где по Конституции 2022 года прямо не провозглашается, что ислам является государственной религией (кстати, впервые в конституционной истории арабских государств). Там отмечено, что Тунис – часть исламской уммы. И государство должно работать над достижением целей истинного ислама по сохранению жизни, чести, благосостояния, религии и свободы. И еще одно важное отличие тунисской конституционной модели – там ничего не сказано про шариат как определяющую основу для государственного законодательства, что позволяет говорить о безусловном приоритете светских социальных механизмов. [20].

Четвертая модель распространена в основном в теократических государствах, в которых определен монопольный и верховный статус религиозных ценностей (Саудовская Аравия, Иран, Ливия, Афганистан, Пакистан и др.). Здесь вся нормативная база Конституции и законов определяется шариатом и преследует цели защиты и укрепления ислама. Так, в ст. 45 Конституции Саудовской Аравии отмечается: «Основой для издания фетв в Королевстве является Книга Всевышнего Аллаха и Сунна Его Пророка, да благословит его Аллах» [16].

Пятая модель, распространенная в свое время в СССР, была основана на атеистическом мировоззрении. Государство и партия вмешивались во внутрирелигиозные процессы, сводя религиозную практику к минимуму. В результате произошла известная изоляция религии и ее структур от социально-политических процессов, от духовной сферы, культуры и воспитания в целом. Ислам не был исключением.

Наконец, шестая модель светского государства, конституционно закреплённая и реализующаяся в современной РФ, где упразднен государственный статус любой идеологии, в т. ч. и религиозной, узаконено равноправие всех конфессий и развиваются партнерские отношения между властью и религией, что приводит к значительному расширению социальной базы последней.

В других регионах мира в отношении к исламу также сложились различные модели взаимодействия светского и сакрального, начиная от существенного его ограничения в таких странах, как Япония, Китай, и заканчивая полным запретом в Анголе. В большинстве же государств, например, во Франции, Германии, Англии, США и др., ислам существует более или менее комфортно наряду с другими конфессиями, хотя его бытие нельзя назвать беспроblemным, чему есть много подтверждений.

Сложная диалектика взаимодействия сакрального и светского характерна для всех религий, особенно на современном этапе, хотя в историческом плане между конфессиями в этом вопросе имеются существенные различия. Так, история возникновения и развития христианства и ислама показывает далеко неоднозначный характер формирования в них светских и сакральных составляющих. Это обусловлено тем, что христианство с самого начала формировалось как вероучение, оппозиционное, противоположное светской власти, поскольку оно проповедовало политико-властный нигилизм, крайний аскетизм, пренебрежение к ценностям земной жизни и смысловое доминирование сакральных потусторонних ценностных ориентиров. Поэтому в истории христианства светская и религиозная власть никогда не сливались и не действовали в синергии друг с другом, за исключением Ватикана.

Кроме того, христианство первоначально сформировалось как умозрительное, абстрактное, сакральное вероучение, весьма далекое от актуальных

жизненных потребностей людей, больше ориентированное не на настоящее, а на спасение в неопределенном будущем. Такая смысловая ориентация первых христиан, основанная на безразличии к земным условиям жизни, сугубо эсхатологическое понимание жизни, формировали установку на безучастное отношение к государству, что не могло не привести к ответным гонениям в отношении апостолов и сторонников такой веры.

В евангелических сказаниях мы видим одну из первых утопических конструкций в истории человечества, слабо связанную с потребностями практической жизни людей, ориентированную преимущественно на сакральное будущее. Не случайно большую смысловую нагрузку несут слова Иисуса из Евангелия Иоанна «вы от мира сего, Я не от мира сего» [6, Ин. 8:23]. Поэтому он призывает: «...не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело – одежды? ...Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец наш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» [6, Мтф. 6:25, 26].

Протестантизм отказался от безучастно-нейтрального, даже негативного отношения к государству и земным составляющим человеческого бытия. Достаточно вспомнить известный труд Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», где он убедительно доказал, что показатели земного благополучия, деньги и богатство несколько не мешают чистоте и искренности человеческих верований.

Ислам же изначально формировался с установкой на синтез сакрального и земного, и он всегда был вплетен в ткань социально-политических, духовных и нравственно-бытовых процессов. Важнейшими особенностями исламского вероучения являются его неразрывная связь с политикой, властными отношениями, включенность в качестве регулятора во все сферы жизнедеятельности человека.

Отмеченное историческое своеобразие христианства и ислама сохраняется до настоящего времени: христианство являет собой вероучение, не включенное в структуры человеческой повседневности в качестве регулятора жизни и поведения человека; ислам же есть не только вероучение, но и постоянно действующий регулятор образа жизни, где сакральное и мирское выступают в синергии друг с другом. Именно по этой причине в исламе никогда не было института монашества и проявлений крайнего аскетизма, связанного с мучительным укрощением плоти, обетом безбрачия и «поглощением» всего человека пространством сакрального, божественного. Напротив, он ориентировал всех своих сторонников на нахождение разумной меры в соотношении сакрального и светского, небесного и земного без крайностей и фанатизма в вероучении, в оценке земных благ, разумных потребностей, денег, материального достатка. В Коране подчеркивается: «Аллах хочет для вас облегчения, а не хочет затруднения для вас...» [17, 2:181 (185)]. Кораническая догматика лишь ограничивает пределы действия светских отношений несколькими столпами-заповедями, не требуя отказа от разумной полноты жизненных проявлений во всех сферах человеческой деятельности. Поэтому просвещенный ислам всегда адаптируется к условиям существования полинациональных и многоконфессиональных отношений в пределах отдельных государств, имеющих иные, нерелигиозные ценностные императивы. Конфессиональная и личная свобода не является абсолютной; она заканчивается там, где начинается свобода другого человека или иной религии.

Ислам как «срединная религия»

Ислам часто называют «срединной религией», поскольку в ней сочетаются сакральные и светские составляющие и имеет место стремление к разумному балансу без крайностей. Так, в Коране отмечается: «Мы сделали вас общиной, придерживающейся середины, чтобы вы свидетельствовали обо всем человечестве» [17, 2:143]. Срединность ислама имеет множество смыслов в зависимости от контекста того или иного исламского дискурса. В целом это означает не только соблюдение равновесия и справедливого баланса интересов для всей уммы, т. е. отдельного мусульманина, семьи, начальников и подчиненных, богатых и бедных, различных социальных ячеек и всего исламского сообщества, но и налаживание партнерских отношений с другими конфессиями и государственными структурами. Применительно к нашему анализу такая срединность означает, что ислам должен создавать идейную платформу для объединения поликультурного, полинационального пространства всей уммы, обеспечивать гармонию интересов государства и конфессий, мирского и сакрального. Из хадисов известно, что Пророк много раз выражал свою обеспокоенность всевозможными крайностями, связанными как с отказом от мирского, так и с чрезмерным увлечением сакральными составляющими вероучения, оторванными от жизни людей.

Срединность ислама означает, что это учение, лишённое крайностей, в чем бы они ни выражались. Применительно к нашей тематике такая крайность проявляется в абсолютизации как сакральных, так и мирских составляющих вероучения. На обыденном уровне это может выглядеть следующим образом. Кто-то скажет, что надо честно жить и трудиться на этой земле, воспитывать детей и не нарушать законов, а вера и покаяние нужны только заблудшим, главное – соблюдать земные законы и достойно прожить жизнь. Другой, напротив, дни и ночи напролет будет выстаивать в молитвах. Третий – соблюдать все посты, предписанные вероучением. Четвертый никогда не женится / не выйдет замуж, поскольку это будет отвлекать от Бога. По этому поводу в объяснение позиции ислама в хадисах упоминаются слова Пророка «Клянусь Аллахом, я больше вас боюсь и боюсь Его. Однако в некоторые дни я пощусь, а в другие – не делаю этого, выстаиваю в молитвах часть ночи и сплю в другую, а также заключаю браки с женщинами. Тот же, кто не желает следовать моей Сунне, не имеет ко мне никакого отношения!» [4: 5063; 13:1401].

Подобные крайности с точки зрения исламского вероучения, особенно в аспекте диалектики мирского и сакрального, рассматриваются как заблуждение. По этому поводу в Коране отмечено: «Скажи: “Не сообщить ли мне вам про потерпевших наибольший убыток в делах. Тех, усердие которых заблудилось в жизни мирской, хотя они думали, что они хорошо делают?”» [17, 18:103, 104]. Обращаясь к христианам и иудеям Коран также напоминает: «О обладатели Писания! Не излишествуйте в вашей религии без истины и не следуйте за страстями людей, которые заблудились раньше и сбили многих с ровной дороги» [17, 5:81(77)].

В современной интерпретации такая срединность ислама рассматривается через концепт *умеренного* ислама, в котором прежде всего продуктивно и взаимовыгодно решаются вопросы гармонического сосуществования сакрального и светского. З. М. Абдулагатов говоря об умеренности российского ислама, имеет в виду степень бесконфликтной, мирной, творческой адаптации мусульманина к условиям светского государства, к новым явлениям общественной и государственной жизни [1, с. 72]. Он перечисляет критерии умеренности в исламе,

но ключевым из них называет способность гармонизировать сложную диалектику соотношения сакрального и светского, без чего не может быть комфортного вхождения самой религии в гражданские структуры современного государства. Отметим, что в исламском богословии встречаются и крайние позиции. Дэрин Сулейман по этому поводу приводит слова ат-Тирмизи: «Мирская жизнь проклята. Все, кроме поминания Аллаха, в этом мире проклято».

Очевидно, что подобная позиция не может соответствовать концепту срединности ислама, о котором мы говорили выше. Ислам установил равновесие и гармонию во всем, что касается взаимодействия мирской и сакральной жизни верующих. Это религия, уделяющая достаточное внимание как душе, так и телу, как материальному, так и духовному миру. Это важная особенность ислама, которая укладывается в логику развития любой культуры. Если культура призывает лишь к духовному, то очень скоро люди достигнут высот в духовной сфере, но со временем обнаружится отставание в материальной, потому они будут не в состоянии воплотить в жизнь то, что породил их разум. И напротив, если какая-то культура настаивает лишь на материальном развитии, то, человек жертвует своей духовностью и нравственностью. Такие культуры, построенные на дизъюнктивной оппозиционности материального и духовного, рано или поздно обречены на гибель [22, с. 6].

В плане сказанного нам представляется актуальной и справедливой постановка вопроса о *конвергенции*, сближении религиозных и светских ценностей как отражении глубинных духовных процессов, происходящих в сфере конфессионально-государственных отношений в современной России [23].

О некоторых особенностях реализации дихотомии религиозного и светского в России и Дагестане

К сожалению, в нашей стране в ряде случаев наблюдаются определенные перекосы в понимании диалектики соотношения светского и религиозного, что может привести к религиозно-политическому экстремизму. Прежде всего речь идет о попытках исламских фанатиков и фундаменталистов подменить светские законы, государственную систему образования и воспитания исключительно религиозными ценностями. Не случайно секретарь Совбеза РФ Сергей Шойгу на выездном заседании в СКФО в конце августа 2024 г. отметил активизацию попыток внедрения в общественное сознание потребности и целесообразности применения норм шариата вместо светских законов, что должно пресекаться государством и обществом [24].

В последние годы имеют место случаи открытого вмешательства религии во все сферы жизнедеятельности. На бытовом уровне и в медийном пространстве некоторые поборники ислама настойчиво стали диктовать, какие государственные праздники отмечать, а какие игнорировать, какие культурные мероприятия, концерты, конкурсы проводить, а какие – нет. Среди взрослых и детей насаждается установка, приписываемая исламу в целом, что музыка, танцы, актерство – это греховные виды искусства, распространяющие неверие и порочность в обществе. В Дагестане существует проблема с набором первокурсников на соответствующие факультеты вузов и сузов, на которые в других регионах и странах при поступлении огромные конкурсы. Иногда доходит до открытых угроз в адрес организаторов и участников конкурсов, концертов и других культурных мероприятия. Достаточно вспомнить драматическую ситуацию вокруг фестиваля-конкурса «Миссис Россия – БРИКС», который намечался и долго готовился в Дербенте летом 2024 года. Из-за таких угроз было принято решение перенести его проведение в Москву. Хотя

были случаи, когда подобное вмешательство было оправдано. Например, это касается фестиваля уличной культуры, проходившего в Махачкале в 2024 году. Организаторы предварительно не ознакомились с репертуаром участников и текстами песен, содержащих как выяснилось, ненормативную лексику и экстремистский контент, противоречащие нашему культурному менталитету [9].

Есть также примеры вмешательства ислама в организацию светского образовательного процесса, на что не раз указывалось исследователями [2; 3]. Доходит до того, что его функционеры начинают диктовать, что и как учить в школах, колледжах и вузах. Так, совсем недавно экс-премьер правительства Чечни, а ныне помощник Председателя правительства РФ Муслим Хучиев, выражая волю отдельных родителей, призывал исключить теорию Дарвина из учебников, т. к. она противоречит религиозным убеждениям.

Между тем отказ от дарвинизма предполагает отказ и от других эволюционных теорий, а именно:

- ламаркизма и неоламаркизма, настаивающих на том, что все основные изменения в организмах есть следствие их устремленности к совершенствованию;
- ортогенеза, согласно которому в живых существах изначально наличествует определенная траектория эволюционного развития, которой они и следуют, несмотря ни на что;
- от мутационных механизмов наследования, которые происходят не на протяжении жизни всех поколений, а стремительно, в течение жизни одной особи, а затем передаются по наследству;
- от генетики, которая объяснила некоторые недоказанности и противоречия теории естественного отбора Дарвина.

В таком случае надо отменять не только биологию, но и физику, в основе которой лежат многочисленные «законы сохранения» – вещества, массы, энергии, количества движения и т. д., поскольку они противоречат библейскому и кораническому креационизму – сотворению Богом всего из ничего.

В изложенных выше установках некоторых «защитников» ислама мы усматриваем расширение разумных, конституционно очерченных пределов действия религиозных нормативов и открытое вмешательство религии в светские культурные и образовательные процессы. В свое время патриарх отечественного исламоведения В. В. Бартольд отмечал: «История ислама показывает, что он умеет приспосабливаться к новым условиям; несомненно, что им, вопреки Корану и Сунне, будет выполнено и основное требование, предъявляемое современным культурным процессом ко всякой религии: *быть только религией*, без притязания подчинить себе всю государственную и общественную жизнь» (выделено нами. – Т. К.) [5, с. 51].

Такая же попытка поставить под сомнение верховенство закона и ввести в стране параллельно существующие правовые нормы обнаруживается и в недавно принятой фетве Совета улемов ДУМ РФ от 17 декабря 2024 г. о многоженстве, якобы направленной на интенсификацию демографических процессов и на защиту вдов и сирот, погибших на спецоперации. Государственные органы и институты гражданского общества оперативно отреагировали на заключение улемов. В частности, появилось обращение известного исламоведа Романа Силантьева с требованием к председателю Следственного комитета А. Бастрыкину приостановить деятельность ДУМ РФ и Совета муфтиев России, возглавляемых Р. Гайнутдиновым как имеющих очевидные признаки экстремистских организаций [14]. А руководитель комитета Госдумы РФ по защите семьи Нина Останина предложила главе Минюста РФ Константину Чуйченко ввести правовую ответственность за многоженство как пропаганду нетрадиционных семейных

отношений, а нижней палате – принять законопроект о запрете рекламы, пропагандирующей многоженство, поскольку полигамия ни в какой форме недопустима в светском обществе. Генеральная прокуратура отметила, что фетва о многоженстве в мусульманском сообществе РФ противоречит действующему законодательству и основам государственной семейной политики, направленной на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В результате руководство ДУМ РФ и Совет улемов отозвали эту фетву.

В информационном пространстве ежегодно возникают дискуссии по поводу правомерности празднования Нового года, занесенного у нас в реестр официальных праздников. При этом государство не требует его обязательного празднования, как и любой другой значимой даты, оставляя это на личное усмотрение граждан, их предпочтений, особенностей культуры и конфессиональных или иных приоритетов. При этом в ряде случаев в действиях отдельных граждан и высказываниях некоторых публичных людей в отношении празднования Нового года наблюдаются прямые признаки религиозно-политического и культурного экстремизма, а также нарушение конституционной нормы о свободе совести. Так, 1 января 2025 г. в поселке Тарки г. Махачкалы молодые люди перекрыли дорогу на смотровую площадку, куда приезжали многие жители и гости, чтобы полюбоваться праздничными огнями³³. Или же публичные высказывания по поводу Нового года и символики Деда Мороза и Снегурочки, которые имели место в выступлениях муфтия Москвы Ильдара Аляутдинова, что вызвало негативную реакцию членов Совета по правам человека при Президенте РФ [10].

Таким образом, проблема соотношения религиозного и светского остаётся актуальной, хотя в различных типах государственности она выражается с разной степенью интенсивности и остроты. Для теократического государства она не является теоретически и практически актуальной, поскольку абсолютное верховенство и первенство здесь однозначно определено для всех сфер общественной жизни, и конфликта интересов в этом вопросе почти не возникает. Но это не означает, что проблемы соотношения религиозного и светского нет. Напротив, она сохраняется в полной мере. Однако в условиях доминирования одномерного духовного тоталитаризма эта проблема снята с повестки дня, о ней не говорят. Как отмечает М. Я. Яхьяев, наиболее конфликтующими с исламскими ценностями являются ценности либеральной демократии: светскость – как идеологический принцип, и секуляризм – как образ жизни. Мусульманское государство может стать демократическим, но оно никогда не будет светским, что, конечно же, не должно становиться основанием отрицания совместимости демократии с исламом [25, с. 72].

Проблема субординации светского и сакрального в исламе и религии в целом имеет еще одно важное измерение, связанное с отношением к культурным, бытовым, национальным и религиозным традициям. Прекрасно, если традиции и законы действуют в гармонии друг с другом, но не секрет, что часто традиции не соответствуют конституционным и правовым нормативам государства. Необходимо понять, что никакая традиция не должна противоречить законам, а если это так, то надо отказываться от таких традиций. Речь идет не только о полигамии в исламе, но и о кровной мести, организации самосудов и других проявлениях правового нигилизма. Или известная во всем мире традиция

³³ См., например: "Новый год – это харам": в Махачкале начали перекрывать заезд на смотровую площадку. – URL: <https://dzen.ru/a/Z3YjOr3DVWBf5k4F?ysclid=m9z6le425w787680918>

сверххранних браков, которая для некоторых исламских государств и этнических культур становится привычной. Можно здесь вспомнить недавний перформанс цыганской свадьбы детей 9 и 13 лет в Астрахани. Этот вопрос обсуждался даже в комитете Госдумы по защите семьи. А к подобной практике, достаточно распространенной в мусульманском мире, мы как бы привыкли [8].

Как известно, многие коранические формулы социальной концепции ислама были написаны для теократического государства, в котором все звенья государственной иерархии как бы выполняют божественную миссию. Поэтому халифат, в котором религиозная и светская власть совпадали, был наиболее удобной и приемлемой для теократического государства формой, где вся его деятельность считается исполнением божественного предначертания. Естественно, в таком обществе происходит предельная сакрализация всех гражданских и социальных институтов, и религиозное сознание становится определяющим и доминирующим во всех проявлениях человеческой духовности, оно пронизывает все сферы жизнедеятельности, соединяя светскую и духовную власть.

Иным должен быть статус религии в светском государстве. Как правило, проблемы, порождающие религиозно-политический экстремизм, начинаются там и тогда, где и когда отмеченная матрица теократического государства переносится на современные светские реалии. Игнорирование конкретно-исторического подхода к анализу социальных процессов имеет множество проявлений: и в запретительной стратегии в отношении культуры и искусства, и в настойчивых рекомендациях не отмечать Новый год и государственные праздники, и в ночных азанах в нарушение всех нормативов тишины, предписанных федеральными законами, и в навязывании определенной одежды, не отражающей наш культурный и этнический менталитет, и в гонениях на другие религии, и в отсутствии многих государственных служащих по пятницам на рабочем месте, а учащихся в учебных заведениях, а часто и в иные дни недели. Все это – следствие такого мышления, в котором всю атрибутику светского государства оценивают исключительно мерками теократического. Прямыми проявлениями такого мышления являются также подмена гражданского патриотизма религиозным и растущий нигилизм в отношении к государственным органам и правосудию, когда многие истцы предпочитают обращаться в шариатские суды, а не к гражданскому правосудию.

Согласно диалектической методологии при определенных объективных и субъективных условиях явление может переходить в свою противоположность. Позитивные тенденции могут сопровождаться негативными проявлениями. Для большинства мусульман характерно отношение к исламу как основополагающей нормативной системе, что вытекает из буквы Корана, Сунны и шариата. Данное обстоятельство верующими часто, к сожалению, воспринимается как конфессиональная автономия от государственной власти и гражданского общества, что порождает у них политический, правовой, культурный и иной нигилизм. Происходит это прежде всего потому, что в республике нарушен разумный баланс в соотношении светского и религиозного мировоззрений, а для молодежи часто нормы шариата имеют большее значение, чем государственные светские правила. Такая ситуация сложилась из-за определенного недоверия к государственной нормативной системе (несправедливые судебные решения, необоснованные уголовные и иные преследования, коррупция в государственных структурах и т. д.).

Заключение

В Северо-Кавказском регионе сложилась парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что де-юре мы живем по нормативно-законодательной

парадигме правового светского государства, в котором определен статус религии как личного дела граждан. Фактически же в отдельных социальных практиках имеют место некоторые признаки теократического государства, где совершенно иная матрица взаимодействия сакрального и светского.

Рост значимости религиозной нормативности, подмена ею правовой системы светского государства ведут к клерикализации общества и нарушению баланса в дихотомии «светское-религиозное». Религиозное образование и воспитание, несомненно, укрепляют веру, и каждая конфессия придает этим вопросам особое значение. Но необходимо считаться с конституционным принципом светского государства, согласно которому церковь является одним из институтов гражданского общества, а духовность личности не сводится только к религиозной вере.

Сказанное особенно актуально для нашего многоконфессионального сообщества, в котором должно быть обеспечено правовое равенство и комфортное существование всех религий. Поэтому недавняя торжественная закладка камня под фундамент будущего Духовного центра всех религий Откровения в Дербенте, считающегося «кавказским Иерусалимом», есть не только выражение необходимости именно такого статуса всех конфессий в стране и республике, но и напоминание о том, что это возможно при строгом соблюдении конституционных нормативов и обеспечении верховенства светских законов.

Литература

1. Абдулагатов, З. М. Исламское сознание в Дагестане: в поисках умеренности / З. М. Абдулагатов // Исламоведение. 2024. Т. 15, № 3 (61). – С. 58–78.
2. Абдулагатов, З. М. Экстремальности религиозного сознания в системе исламского образования Республики Дагестан. Ч. 1 / З. М. Абдулагатов // Россия и мусульманский мир. 2021. № 2 (320). – С. 28–41.
3. Абдулагатов, З. М. Экстремальности религиозного сознания в системе исламского образования Республики Дагестан. Ч. 2 / З. М. Абдулагатов // Россия и мусульманский мир. 2021. № 3 (321). – С. 48–62.
4. Аль-Бухари Ас-сахих. Сборник хадисов. – URL: https://mir-knig.com/read_263917-1.
5. Бартольд, В. В. Ислам и культура мусульманства / В. В. Бартольд. – М.: МГТУ, 1992. – 141 с.
6. Библия. Ветхий и Новый заветы. Синодальный перевод. Библейская энциклопедия арх. Никифора. – URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/biblerus/?f=0JjRgS40&t=0JjRgdGFLg%3D%3D&nt=910>.
7. Билалов, М. И. Философия ислама о специфике исламской философии / М. И. Билалов // Исламоведение. 2019. Т. 10, № 3. – С. 20–30.
8. В ГД призвали наказать родителей за свадьбу 8-летнего ребенка в Астрахани. – URL: <https://aif.ru/society/v-gd-prizvali-nakazat-roditeley-za-svadbu-8-letnego-rebenka-v-astrahani>.
9. В Дагестане возмутились зарубежным рэпом на фестивале уличной культуры, проведенного в августе 2024 г. – URL: https://ria.ru/20240810/festival-1965446746.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.
10. В СПЧ призвали проверить муфтия Москвы после заявлений о многоженстве и Деде Морозе. – URL: <https://lenta.ru/news/2024/12/26/v-spch-prizvali-proverit-muftiya-moskvy-posle-zayavleniy-o-mnogozhenstve-i-dede-moroze/>.
11. Гагиева Ася. Баланс между мирским и вечным. – URL: <https://dumsk.com/musulmanam/stati/32421-balans-mezhdu-mirskim-i-vechnym.html>.

12. Другов А. Ю. Индонезия между двух скал // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2023. № 2. – С. 75–89.
13. Дэрин Сулейман. Привязанность к мирскому. – URL: <https://islamdinr.ru/privjazannost-k-mirskomu>.
14. Исламовед Силантьев просит Бастрыкина запретить СМ и ДУМ РФ за поддержку ваххабизма. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/09/17/23942839.shtml>.
15. Конституция Ливана. – URL: <https://constitutions.ru/?p=149&ysclid=m7klrovdvc297961332>.
16. Конституция Саудовской Аравии. – URL: <https://constitutions.ru/?p=159>.
17. Коран / пер. акад. И. Ю. Крачковского. – М.: Дом Бируни, 1990. – 452 с.
18. Магомедов, К. М. Экстремизм через призму инклюзивного мышления и когнитивной психологии / К. М. Магомедов // *Исламоведение*. 2019. Т. 10, № 1. – С. 41–51.
19. Мышко, Ф. Г. Становление и развитие конституционной системы Алжира / Ф. Г. Мышко, Мунсиф Бенбрахим // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2024. № 1. – С. 114–118.
20. Новая Конституция Туниса не называет ислам государственной религией. – URL: <https://barnabasfund.ru/ru/novaja-konstitucija-tunisa-ne-nazyvaet-islam-gosudarstvennoj-religiej>.
21. Саких Муслим (мухтасар). Краткое изложение, составленное имамом аль-Мунзири. – М.: Umman, 2011.
22. Хамидуллах Мухаммад. Ислам. Введение в ислам. – М., 2008. – 306 с.
23. Фаизов, Г. Б. Ислам и государство: единство, противоборство, конвергенция: монография / Г. Б. Фаизов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. – 116 с.
24. Шойгу заявил о попытках в СКВО заменить светские законы шариатом. – URL: <https://news.mail.ru/politics/62543195/> (дата обращения: 28.08.24)
25. Яхьяев, М. Я. Ислам и демократия / М. Я. Яхьяев // *Исламоведение*. 2024. Т. 15, № 3 (61). – С. 79–93.
26. Яхьяев, М. Я., Камышова Е. Г. Светское и религиозное в современном обществе / М. Я. Яхьяев, Е. Г. Камышова // *Исламоведение*. 2011. № 2. – С. 90–95.

References

1. Abdulagatov, Z.M. Islamic consciousness in Dagestan: in search of moderation. *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2024. Vol. 15, no. 3 (61). Pp. 58–78. (in Russian).
2. Abdulagatov, Z. M. Extremes of religious consciousness in the system of Islamic education of the Republic of Dagestan. Part 1. *Russia and the Muslim World*. 2021, no. 2 (320). Pp. 28–41. (in Russian). (in Russian).
3. Abdulagatov, Z. M. Extremes of religious consciousness in the system of Islamic education of the Republic of Dagestan. Part 2. *Russia and the Muslim World*. 2021, no. 3 (321). Pp. 48–62. (in Russian).
4. Al-Bukhari As-Sahih. *Collection of Hadith*. URL: https://mir-knig.com/read_263917-1. (in Russian).
5. Bartold, V.V. *Islam and the Culture of Islam*. Moscow: Moscow State Technical University, 1992. 141 p. (in Russian).
6. The Bible. *The Old and New Testaments. Synodal translation. The Bible Encyclopedia by Archimandrite Nicephorus*. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/biblerus/?f=0JjRgS40&t=0JjRgdGFLg%3D%3D&nt=910>. (in Russian).
7. Bilalov, M. I. Philosophy of Islam on the Specifics of Islamic Philosophy. *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2019. Vol. 10, no. 3. Pp. 20–30. (in Russian).

8. *The State Duma called for punishing parents for the wedding of an 8-year-old child in Astrakhan.* – URL: <https://aif.ru/society/v-gd-prizvali-nakazat-roditeley-za-svadbu-8-letnego-rebenka-v-astrahani>. (in Russian).
9. *Dagestan was outraged by foreign rap at a street culture festival held in August 2024.* – URL: https://ria.ru/20240810/festival-1965446746.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop. (in Russian).
10. *The Human Rights Council called for an investigation of the Moscow mufti after statements about polygamy and Father Frost.* URL: <https://lenta.ru/news/2024/12/26/v-spch-prizvali-proverit-muftiya-moskvy-posle-zayavleniy-o-mnogozhenstve-i-dede-moroze/>. (in Russian).
11. Gagieva Asya. *Balance between the worldly and the eternal.* URL: <https://dumsk.com/musulmanam/stati/32421-balans-mezhdu-mirskim-i-vechnym.html>. (in Russian).
12. Drugov A. Yu. *Indonesia between two rocks. Southeast Asia: current problems of development.* 2023, no. 2. Pp. 75–89. (in Russian).
13. Darin Suleiman. *Attachment to the worldly.* URL: <https://islamdinr.ru/privjazannost-k-mirskomu>. (in Russian).
14. *Islamic scholar Silantyev asks Bastrykin to ban the Council of Mufti and the Muslims' Spiritual Administration of the Russian Federation for supporting Wahhabism.* URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/09/17/23942839.shtml>. (in Russian).
15. *Constitution of Lebanon.* – URL: <https://constitutions.ru/?p=149&ysclid=m7klrovdvc297961332>. (in Russian).
16. *Constitution of Saudi Arabia.* – URL: <https://constitutions.ru/?p=159>. (in Russian).
17. *The Qur'an / Trans. By Academician I. Yu. Krachkovsky.* Moscow: House of Biruni, 1990. 452 p. (in Russian).
18. Magomedov, K.M. *Extremism through the prism of inclusive thinking and cognitive psychology.* *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2019. Vol. 10, no. 1. Pp. 41–51. (in Russian).
19. Myshko F. G. *The formation and development of the constitutional system of Algeria.* *Education. Science. Academic staff.* 2024, no. 1. Pp. 114–118. (in Russian).
20. *The new Constitution of Tunisia does not call Islam a state religion.* – URL: <https://barnabasfund.ru/ru/novaja-konstitucija-tunisa-ne-nazyvaet-islam-gosudarstvennoj-religiej>. (in Russian).
21. Sakih Muslim (Mukhtasar). *A summary compiled by Imam al-Munziri.* Moscow: Umman, 2011. (in Russian).
22. Hamidullah Muhammad. *Islam. Introduction to Islam.* Moscow, 2008. 306 p. (in Russian).
23. Faizov G. B. *Islam and the state: unity, confrontation, convergence: monograph.* Ufa: BSPU Publishing House, 2010. 116 p. (in Russian).
24. *Shoigu announced attempts in the North Caucasus Military District to replace secular laws with Sharia.* URL: <https://news.mail.ru/politics/62543195/> (in Russian).
25. Yakhyayev, M. Ya. *Islam and Democracy.* *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2024. Vol. 15, no. 3 (61). Pp. 79–93. (in Russian).
26. Yakhyayev, M. Ya. *The secular and the religious in modern society.* *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2011, no. 2. Pp. 90–95. (in Russian).